

Михаил Михеев

БЕЛЫЙ Z НА ЛОБОВОЙ БРОНЕ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Михаил Михеев

Белый Z на лобовой броне

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михеев М. А.

Белый Z на лобовой броне / М. А. Михеев — «Издательство АСТ», 2022 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-151966-7

Война — это кровь и смерть. А еще война — поединок интеллектов. И если особо ценный сотрудник внутренней разведки оказывается в одиночку в тылу противника, то это жу-жу неспроста. Виталий Третьяков, человек с опасной репутацией и кучей трупов за спиной, путешествует в тылу вражеских войск, и никто — ни враги, ни союзники — не знает его задач. Гадать, куда он повернет в следующий момент и что будет делать, бесполезно, а оставлять без присмотра страшно. И только он сам знает, какова цель поездки и кому суждено стать мишенью. Доберется ли он до конца пути, выполнит ли задание? Это вопрос открытый. Ну а пока что под колесами машины стелется дорога, ревет мотор, сидит рядом красивая женщина... Что еще нужно спецагенту, чтобы чувствовать себя счастливым? Разве что свист пуль над головой, но уж этого добра на любой войне предостаточно.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-151966-7

© Михеев М. А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Михаил Михеев

Белый Z на лобовой броне

*Добро должно быть с кулаками.
Добро суровым быть должно,
Чтобы летела шерсть клоками
Со всех, кто лезет на добро.*

С. Ю. Куняев

– Виталий Семенович!

– Блю-э!

Звук, который издал Третьяков, невероятно подходил к ситуации. Их посудину валяло на крутой и грязноватой черноморской волне так, что оставалось лишь гадать, почему она все еще не перевернулась. Судя по безмятежному лицу капитана, ничего особенного не происходило, но Виталию от этого было не легче.

По его личному, никому не навязываемому мнению, для морских круизов неплохо подходил лайнер размером с небольшой остров. На крайний случай подошел бы авианосец. Лучше американский – он длиннее. Но трофейный украинский катер, на палубе которого два человека с трудом могли разойтись из-за тесноты, к гордым пенителям морей не относился. Дай бог, чтобы в болоте воды не нахлебался.

А ведь когда-то на верфях, не так давно вновь отошедших России, могли штамповать авианосцы быстрее, чем кондитер печет булочки. Увы, с тех пор многое изменилось, да и народец измельчал. Местные – те уж точно.

– Виталий Семенович...

На сей раз призыв возымел действие. Кормить Ихтиандра тоже не хотелось – то ли организм понемногу адаптировался к качке, то ли, что вероятнее, в желудке просто ничего не осталось. Даже собственно желудочного сока. Преодолевая слабость в ногах, Виталий смог вернуться в рубку и тут же выскочил назад, вновь перегнувшись через фальшборт и извергнув... Что – непонятно, однако до жути противно.

А куда деваться? В рубке дико воняло. Этот катер, вообще-то предназначенный для речных, а не морских походов, в качестве двигателей использовал дизели. А вследствие отвратного качества постройки и общей потрепанности изрядная доля выхлопных газов шла во внутреннее помещение. Мерзейшие ощущения.

Вновь немного оклемавшись, Виталий с омерзением обвел взглядом катер: все его полста тонн водоизмещения, пару оружейных башен с тридцатимиллиметровыми скорострелками, скошенные борта. И в очередной раз проникся неприязнью к этому убожеству. И появление командира сей непрезентабельной посудины только добавило этого чувства.

Старший лейтенант Иванов был настоящим образцом флотского офицера. При параде (на кой черт, интересно), с кортиком у бедра, гладко выбритый. Как просветили Виталия перед отплытием, один из самых перспективных молодых офицеров. А еще один из самых недисциплинированных, отчего его и спихнули на эту шаланду. Мол, великое доверие – первому освоить чудо враждебной техники. Рассчитывали, небось, что он зароется в металлолом и на пару месяцев перестанет мозолить глаза начальству. Ага, щ-щас-с. Всего-то неделя – и вот он уже в море. И потому, что смог освоить катер, и, главное, потому, что операция в целях секретности требовала использования именно такого судна.

По непроверенным данным, у жовто-блакитных еще осталась пара аналогичных катеров, чудом избежавших своевременного утопления, и появление корабля этого типа вряд ли насто-

рожит тех, кто старается контролировать оставшийся у них крохотный участок берега. С другой стороны, слабая защита этой посуды сейчас роли не играла. Все равно атаки с воды ожидать смысла не было. Все же изначально слабый украинский флот был размазан по морскому дну еще в первые дни конфликта, а его жалкие остатки прятались, как могли. Поэтому и не требовалось использовать что-то более защищенное, хотя, конечно, лишняя броня позволила бы чувствовать себя увереннее.

– Перекусить не желаете?

Виталий усилием воли сдержал рвотные позывы, посмотрел на безмятежное лицо Иванова и пришел к выводу, что неприязнь у них получилась взаимная. Скрипнув зубами, он буркнул:

– Месье знает толк в извращениях.

– А то ж! – гордо улыбнулся лейтенант и тут же посерьезнел. – Через десять минут высадка. С берега подали сигнал.

Что же, неплохо. Если только это не ловушка. Виталий с некоторой толикой раздражения вспомнил наставления перед отправкой. Они, так скажем, не вдохновляли. Задача не то чтобы для смертника, но все же из тех, на которые посылают сотрудника не самого ценного. Так, во избежание действительно серьезных потерь. Впрочем, отказываться он мог тогда, сейчас же нет возможности праздновать труса.

Молча кивнув лейтенанту, он облокотился на холодную, мокрую и противно-скользкую от брызг, летящих со всех сторон, броню и неожиданно успокоился. В конце концов, отцы-командиры задачи ставят порой рискованные, очень часто сложные, однако невыполнимых пока что не было.

Именно так думал он полтора часа спустя, уже будучи на берегу. Высадка прошла на удивление спокойно, и связной, крепкий мужик средних лет, назвал пароль безошибочно. Не было и намека на засаду. Впрочем, последнее обстоятельство Виталия не удивило совершенно: быстро откатывающейся под ударами войск непризнанных республик, прикрываемых сверху русской авиацией, украинской армии было не до плотного контроля побережья.

В сущности, куда опаснее их служба безопасности: там сидят не лохи, сумевшие добраться до власти, а профессионалы, впитавшие наверняка и опыт советской контрразведки, и кое-что из заграничных ноу-хау. Однако они если и появятся, то позже: ставить посты на побережье не их задача. От целенаправленной же охоты за его, Виталия, тушкой их отделяет секретность и время. Утечка из штаба возможна, даже вероятна, но далеко не сразу. И даже если она произошла, быстро организовать операцию по отслеживанию и поимке одинокого катера не так-то просто.

Пока все шло по плану. Встречающий передал Виталию машину и кое-какое снаряжение из того, что проще достать на месте, чем тащить через море, и растворился в темноте. Документы у Третьякова были свои, лучше настоящих, а каких-то особенных, украинских доставать и не пытались. Во-первых, это противоречило легенде, а во-вторых, здесь и сейчас творился жуткий бардак, в котором любая попытка наладить хоть что-то, похожее на порядок, была заранее обречена на провал. Крутые документы скорее привлекут внимание, чем помогут. Особенно в свете того, что у местных, похоже, в победу верят лишь окончательно поехавшие крышей фанатики.

Легенда у него, к слову, по нынешним временам была железобетонная. Либеральный журналист из России, представитель микроскопической газетки. К слову, самой настоящей, официально зарегистрированной. И не закрытой лишь в силу своей ничтожности. А на самом деле потому, что она тесно, хотя и неофициально, сотрудничала с властями. Проще говоря, ее главред стучал, как тот дятел, и потому имел регулярное негласное финансирование.

Ну, и для обеспечения легенд в операциях вроде нынешней газета подходила идеально. И никого не удивит появление на Украине ее корреспондента, как раз перед случившейся завару-

хой решившего воспользоваться служебным положением и рвануть от страшной ФСБ в Европу. Рванул лихо, да вот застрял на Украине. И теперь, соответственно, был крайне озабочен собственным выживанием. Это объясняло все. И незнание местного суржика, который почему-то упорно называют языком. И плохое ориентирование в реалиях. И собственно поведение: в этих краях упорно ходили слухи, что предателей русские втихаря расстреливают на месте.

Официальная профессия (по легенде, оставленная ради торжества демократии) тоже соответствовала. Интеллигент, блин. Хорошо еще бороду не заставили отрастить для полноты соответствия образу. И то, как подозревал Третьяков, исключительно ввиду недостатка времени на достаточно медленный процесс.

В общем, испуганный дурачок, мечущийся как заяц и отчаянно всех боящийся. Что в условиях отсутствия нормальной линии фронта, когда все перемешалось, вполне оправдано. Такого можно презирать, но сложно подозревать. И уж точно вряд ли его будут опасаться.

Машина тоже соответствовала легенде. «Нива» – пройдет где угодно, однако и сама марка, и общая потрепанность авто как бы намекают: брать у его хозяина особо нечего. А тот факт, что машина технически в идеальном состоянии, в глаза не бросается. На дорогах любой страны постсоветского пространства таких автомобилей до сих пор бегают сотни.

Выползала она, кстати, с трудом – движок все же слабоват. Но на песчаный пляж, изрядно подзаваленный камнями размером с грузовик, где сесть проще простого, ее предусмотрительно не выгоняли, а остальное... Цепляясь за землю всеми колесами, она упорно взяла штурмом и крутой подъем, и убитый в хлам проселок и лишь перед асфальтом остановилась.

Не потому, что он ей противопоказан, а просто Виталий посмотрел на часы и решил, что в два часа ночи устраивать турне как минимум недальновидно. Все же какая-никакая, а война. Пальнет какой-нибудь дятел с перепугу – и все, объясняй святому Петру, что у тебя на Земле дела не сделаны и дома семеро по лавкам, и вообще, это не твоя вина, а «хероя» АТО, зашуганного русскими вертолетчиками и палящего во все подряд. Интересно, покрутит хранитель ключей от рая пальцем у виска или просто рассмеется?

Расположился на ночлег Виталий в небольшой роще, метрах в трехстах от дороги. Так, на всякий случай и во избежание. Да и потом, очень уж ее удачно фары высветили. Спать он умел в любых условиях – спасибо бурному прошлому, научившему использовать для отдыха любую свободную минуту. Опять же, и к чуткости сна он привык тогда же, но сейчас это не пригодилось: до утра его беспокоил только ветер, периодически начинающий шуметь ветвями деревьев.

А вот шум с дороги разбудил его сразу же, и началось это безобразие с первыми лучами солнца. Наскоро перекусив, Виталий некоторое время наблюдал за дорогой и с каждой минутой все больше убеждался: то, что здесь творилось, весьма отличалось от виденного им ранее. Вопят о войне, но странная она какая-то.

Вообще, о том, что здесь, в общем-то, стреляют, напоминал пока что лишь качественно обгоревший, покрытый копотью остов бронетранспортера. В бинокль удалось рассмотреть только пробоину в борту. Похоже, чем-то ударили с вертолета, вряд ли специально ради выстрела сюда заполз какой-нибудь шахтер с Донбасса. Им наверняка хватает целей поближе, а вот вертолет каким-нибудь ветром занести могло вполне. Учитывая, что с ПВО у местных дело обстояло откровенно паршиво, почему бы и нет.

Бронетранспортер, кстати, выглядел непривычно. Чувствовалась советская школа, в чем-то передовая, в чем-то примитивная, но в целом адекватная. Третьякову за свою жизнь пришлось намотать немало километров почти на всех моделях техники, применявшихся родной армией, и потому он мог уверенно сказать: сей обгоревший гроб создан на советском заделе, но не в России.

Это было различимо даже несмотря на обвес из металлических решеток, сильно размывающий для глаза очертания машины. И лишь покопавшись в памяти, Виталий понял: перед

ним БТР-4, довольно убогая попытка местных инженеров создать хоть сколь-либо конкурентоспособную бронетехнику.

Итак, жертва войны имела в одном экземпляре, зато гражданских автомобилей туда-сюда сновало множество. Наверняка в дни минувшие, до того, как началось веселье, их было еще больше, но и сейчас количество впечатляло.

Третьяков, наблюдая за дорогой, несколько раз аж сплюнул со злости. Нет, ну это надо же быть такими дураками. Прямо как русские в девяностых. Только вот в России, хлебнув тогда горя, заимели прививку от доверчивости. Здесь же...

На дороге сплошь иномарки, и не из дешевых. Плохо жили, б... Помайданить решили. В результате куча трупов и море крови.

Не то чтобы эта кровь сильно волновала самого Виталия, все же государство чужое. В отличие от многих соотечественников, он хоть родился и в СССР, но на Украине тогда не бывал. Разве что в Крыму, но административное отношение полуострова к Украине выглядело формальным даже тогда. Соответственно, никаких хороших (да и вообще никаких) воспоминаний об этих местах у Виталия не было. Родных здесь тоже не наблюдалось.

Так что страна кругом чужая, и здешние трупы тоже нервную систему не напрягали. Но вот последствия их внутренних терок для его собственной страны и его собственного кармана (рубль-то еще в четырнадцатом году просел вдвое) вызывали к скакусам жесткую неприязнь.

Однако эмоции эмоциями, а дело прежде всего. Машин чуть больше чем до хрена, правда, едут все довольно медленно. На дороге с таким движением его «Нива» растворится как сахар в кипятке. А потому завтрак, благо морская болезнь осталась там, на катере (будем надеяться, что она там не будет сидеть без работы и прилипнет к Иванову), и вперед, навстречу свершениям!

Вперед – это хорошо, это правильно. Вот только какой вариант маршрута выбрать? Основным его командование считало одесский вариант. Чем-то он им нравился. А может, просто у кого-то ассоциации с этим городом положительные имелись, кто знает. Только ведь не им рисковать, а потому окончательный выбор оставался за Третьяковым. И у него на то, куда направить стопы, имелись собственные мысли.

Одесса... Ехать туда не хотелось категорически. Во-первых, Виталий не любил одесситов, считая их понторезами. Во-вторых, сомневался, что нынешние жители этого города могут оказаться перспективны. Их деды-прадеды годами в катакомбах сидели да немцев резали, и ничего с ними фрицы сделать не смогли, а нынешних шуганули – они и разбежались. Ну и в-третьих, большой город, мощный порт – лакомая цель для военных при любых раскладах.

Стало быть, велик шанс, что остатки украинских банд в Одессу вцепятся руками и зубами. Как их будут выкуривать, что за идеи придут в головы военным – а черт их знает. Служба Виталия в рядах несокрушимой и легендарной закончилась уже двадцать лет как, и за это время военная мысль шагнула далеко вперед. А маразм, можно не сомневаться, еще дальше. В общем, запросто можно оказаться в центре мясорубки или, как вариант, в плотном кольце блокады. То и другое не то чтоб пугало, но помехи создавало изрядные.

Альтернативные варианты тоже не слишком вдохновляли. Единственный плюс – степень свободы они предоставляют большую. Зато все длиннее, и намного. Хотя... Какая, в сущности, разница? Его задача на расстояние завязана в последнюю очередь. А какой вариант выбрать...

Третьяков достал из кармана монету, подкинул ее в воздух, ловко поймал, глянул, что выпало... Ну да, кто б сомневался. Он пожал плечами, зевнул, едва не вывихнув челюсть, и отправился завтракать. Впереди был длинный день.

Как и предполагал Виталий, в поток он влился без особых проблем. И сразу же понял две вещи. Во-первых, все вокруг едут на более мощных машинах. Это не то чтобы обидно, но ведь умельцам родной конторы наверняка ничего не стоило впихнуть в «Ниву» движок, да и

все остальное, хоть от «Мерседеса». А во-вторых, мощность здесь и сейчас мало что значила – по этой дороге уж точно не разогнаться.

Вероятно, когда-то она была ровной и скоростной. Здесь вообще дороги строили лучше, чем на севере, да и климат воздействовал на асфальт менее разрушительно. Однако с тех пор ремонтировали ее, в лучшем случае, эпизодически, и за тридцать с небольшим лет дорога покрылась многочисленными ямами. Не очень большими, но все равно мешающими движению.

Впрочем, ям хватало и свежих, появившихся не столько естественным путем, сколько приложением человеческого старания. Здесь явно гоняли военную технику, и тем, кто этим занимался, плевать было на состояние дорожного покрытия. Попадались и воронки. Много. На пять километров Виталий насчитал их аж две штуки. Похоже, местным было плевать на собственное достояние куда сильнее, чем русской армии.

И вот тут оставалось лишь возгордиться достижениями отечественного автопрома. Там, где «пузотерки» отчаянно лавировали, дабы не рассыпаться на запчасти, угодив колесом в очередную рытвину, «Нива» проезжала без особых проблем. И, что характерно, не было ощущения опасности.

Поселки здесь попадались часто. Иной раз между ними было несколько километров, а иногда между крайними домами двух станиц расстояние составляло считанные метры. Такое редко, конечно, однако случалось. Для привыкшего к северным просторам Виталия подобная скученность казалась дикостью. Впрочем, в Европе есть места, где еще хуже.

За три часа поездки всего один раз попался местный аналог ГИБДД. Движением на дороге украинские палконосцы не интересовались совершенно, высматривая что-то на горизонте. Никакого перемещения военной техники, хотя несколько раз попадалась техника жеваная. Даже небольшая колонна: три танка, пара бронетранспортеров еще советского производства и опрокинувшаяся на бок дряхлая БМП-1 с сорванной башней. Судя по их виду, накрыты авиацией: Виталию в молодости не раз приходилось видеть подобное.

В общем, ничего нового, обычная прифронтовая полоса с низкой интенсивностью боевых действий. Пожалуй, при должной сноровке можно было проехать до места тихонечко и незаметно, в неприятности не ввязываясь. Жаль только, именно этого Виталию делать было нельзя, задача его заключалась совсем в ином.

Ближе к полудню он свернул на боковую дорогу. Если верить Яндекс с его картами, здесь располагалась деревня или как это на Украине называется. Навигатор не соврал, это выяснилось через каких-то пять минут. Проезжая мимо домов зажиточного вида, Виталий убедился, что жили здесь куда богаче, чем в России. Когда-то жили, потому что следы упадка, неспешного, долгого и системного, в глаза особенно не бросались, но и спрятать их никто не пытался.

Впрочем, разглядывать местные достопримечательности, равно как и сочувствовать местным, Третьяков не собирался. Пускай этим занимаются те, кому это по должности положено. Им за это деньги платят, а Виталия сочувствию и всепрощению не учили. Не его профиль.

Неспешно проехав мимо пары домов, возле которых стояли достаточно приличные, хотя и побитые временем автомобили, Виталий тормознул возле третьего, выбранного лишь потому, что здесь сидел немолодой уже мужик, с интересом и некоторой долей настороженности разглядывающий незваного гостя.

Выбравшись из машины, Виталий почти сразу понял, что немного ошибся. Мужик был не «немолодой», ему, похоже, было далеко за семьдесят. Просто сохранился неплохо, видать, генетика хорошая и климат не северный, но вблизи годы было уже не скрыть. Да он и не пытался, и сидел тоже не просто так – отдыхал от нелегкого процесса починки скамейки, на которой, собственно, и расположился. То, что для молодого ерунда, дедка, похоже, успело вымотать.

– Здоровеньки булы, тату, – поприветствовал его Виталий, старательно демонстрируя, что владеет мовой.

Старик лишь усмехнулся:

– И тебе не хворать, парень. С чем пожаловал?

Русский язык здесь, похоже, был в куда большем почете, чем официальный государственный суржик. Хотя, конечно, «парень» для уже изрядно прочувствовавшего груз прожитых лет Третьякова звучало комплиментом. Но использование «мовы» не удивило – наверняка мера предосторожности, достаточно распространенная в этих местах. С учетом творящегося здесь беспредела, очень даже не лишняя.

– С нуждой, отец, – тоже перешел на человеческую речь Виталий.

– И с какой же?

– Да мне ехать еще далече, надо еды прикупить.

По чести говоря, нужды в закупках особой не было, но запас карман не тянет – объяснение для военного времени более чем приемлемое. А главная задача выглядела куда прозаичнее – засветиться как можно в большем количестве мест и сделать это как бы невзначай.

– А чего ж в городе не купил? Ах да, там же все, небось, разграбили уже...

Слова вроде бы безразличные, но извечное превосходство деревни над городскими лохами ощущается едва ли не физически. Впрочем, это во всем мире одинаково, видали, и не раз. И притом наверняка не владеет реальной информацией о том, что творится вокруг. Ну, его проблемы.

– Что есть, то есть.

– А на дороге неужто никто не торгует? – хитро прищурился дед.

– Угу. Свежайшая баранина, еще утром гавкала. – Фраза классика вспомнилась весьма свое-временно. – Я с этих забегаловок желудок портить не хочу. Лучше уж сразу к нормальным людям заехать. Пусть дороже, зато дрянь не подсунут.

Ага, не подсунут. Нарваться можно на что угодно, и даже вернее, чем пусть в третьесортном, но кафе. Однако маленькая лесть не повредит, и, судя по всему, снаряд пошел точно – дедок ощутимо расслабился.

– Так что, есть у кого купить?

– Да я тебе сам могу... Трохи есть.

– Глянем?

– А гроши е?

Судя по скептическому выражению рожи селянина, гривны он деньгами вряд ли считал. Да и рубли, скорее всего, тоже. Может, и возьмет, но донесет куда надо обязательно.

Виталий усмехнулся презрительно, стараясь тем не менее, чтобы со стороны его гримаса смотрелась как можно дружелюбнее.

– Доллары, папаша. Наличка. Самые настоящие грины, зеленые, или как тебе их привычнее назвать.

– О, це дило!

Судя по тому, как засверкали глаза деда, он уже подсчитал, на сколько обует заезжего лоха, и полученный результат ему нравился. И на сельский говор перешел моментально. Ну и черт с ним, такие ситуации предусматривались, и расходы изначально закладывались в бюджет.

В дом следом за ним Виталий вошел спокойный внешне, но максимально собранный внутренне. Так, на всякий случай. То, что дедок сам ремонтировал скамью, ничего не значило. Может, в доме сын-бугай, который совсем не против выпотрошить карманы гостя.

Однако же ничего подобного не было. Гавкнула была собака из будки, но так, вяло, без души. Просто обозначив, что она здесь и бдит. Хозяин цыкнул, и псина моментально замолчала: похоже, тоже пребывала в преклонном возрасте и успела набраться житейской мудрости.

Ну а в самом доме, обставленном неплохо, но тоже явно не вчера, обнаружилась женщина лет на пять моложе хозяина – жена, которая, узнав расклады, только молча кивнула.

Сговорились быстро. Главным образом потому, что Виталий не слишком торговался, хотя цену дед заломил безбожную. Но и с качеством обманывать не стал. От сала Третьяков, не выдержав, немного даже откусил, в очередной раз убедившись: лучше, чем на Украине, солить его умеют только в Белоруссии.

Что характерно, в доме ему не предложили даже чаю. Впрочем, он был не в обиде. Загрузил купленное в багажник, притопил газ – и рванул прочь.

Увы, поездка долго не продлилась. Довольно скоро начал давать о себе знать еще один недостаток ветерана советского автопрома – запредельный для такого слабого движка расход топлива. Пара канистр в багажнике имелась, но тратить запас... В общем, ситуация в точности как с едой, поэтому, немного подумав, Третьяков попытался заправиться.

С тем, чтобы найти заправку, вопросов не возникло. Здесь они были в любом более-менее крупном селе, а гражданскую инфраструктуру никто бомбить не пытался. А вот с тем, чтобы заправиться, дело обстояло сложнее. Запредельная цена – хрен бы с ней, но толстая (здесь это не было редкостью) кассирша потребовала какую-то бумагу, без которой якобы не имеет права заправлять. Мол, или жителям села, или военным, защищающим «нэзалэжность», а больше никому и ни за что.

«Ни за что» вылилось в тихонечко подсунутые под кассовое блюдо двадцать баксов. Что же, каждый крутится как может, но раздражало такое отношение страшно.

Там же, на заправке, Третьяков в первый раз смог лицезреть местных вояк. То ли нацбат, то ли добробат, в сортах говна Виталий не разбирался, но явно не кадровая армия, это любой понимающий человек видит сразу. Все как один немолодые, с помятыми рожами, одетые в камуфляж и переговаривающиеся между собой на легко идентифицируемом западенском суржике. Местных же словно ветром сдуло: ни контактировать, ни, тем более, конфликтовать с «хероями» никто не собирался.

Впрочем, те вели себя на удивление тихо. Подогнали свои КамАЗы и даже не пытались согнать как раз вставившего заправочный пистолет в горловину бака Третьякова.

А вот на кассе возникла заминка, потом раздался не слишком изощренный мат на чистейшем русском, и секунду спустя из помещения на улицу пробкой вылетела кассирша. Видать, привыкла к безнаказанности, не восприняла людей с оружием всерьез и попыталась с них что-то содрать. Хотя, может, они просто требовали заправить их бесплатно, а она их послала – черт знает.

Да и неинтересны причины конфликта, если откровенно. Ни к тем ни к другим Виталий даже намек на сочувствие не испытывал, разве что желание убраться куда подальше. Иметь проблемы и ставить под угрозу выполнение задачи из-за этих дуриков – нет уж, увольте. Наследить здесь, конечно, было можно, однако для этого подходило любое место, в том числе и без таких источников геморроя.

Он как раз успел заправиться, как с востока донесся знакомый гул, и в следующий момент камуфлированные рванули во все стороны, будто застигнутые врасплох тараканы. Еще через минуту над селом прошли, рубя винтами сырой весенний воздух, четыре вертолета – Ка-52, их характерный силуэт ни с чем не спутаешь. Не обращая внимания на происходящее здесь, они стремительно пронеслись над головами, едва не задевая, казалось, крыши домов, и скрылись из виду.

Короткая пауза – и с той стороны, куда они направились, донеслось несколько приглушенных расстоянием взрывов. Еще через несколько минут вертолеты промчались обратно. За одним тянулся жиденький дымный хвост, но, похоже, все это проходило под грифом «мелочь, не обращать внимания».

– У-у, кляты москали...

Виталий обернулся и увидел вояку, с трудом выползавшего из-под его «Нивы». Туда-то он нырнул запросто, а вот выбраться оказалось занятием посложнее. Однако же справился и теперь, ругаясь, счищал с одежд липкую, на масле с бензином замешанную грязь. Со всех сторон возвращались его сослуживцы, и густо висящий в воздухе мат крепчал, с каждой секундой выходя на новый уровень.

Суржик, к слову, из речи исчез моментально, говорили на чистейшем русском языке, разве что с характерным южным «гэканьем». И сколь смог определить Виталий, злость к русским была замешана скорее на зависти. Как же, летают где хотят, делают что хотят. И никого не боятся. А они, украинцы, официально провозглашенные высшей расой, вынуждены сидеть в канавах, боясь, что русские все же их заметят. Унизительно.

А вот теперь надо валить, и чем быстрее, тем лучше. Это сейчас они ни на что внимания не обращают и только себя могут слушать. Как глухари токующие, право слово. Но возбуждение быстро пройдет, а там и офицер, или как там у них называют главнюков, появится. И сразу же они начнут глядеть вокруг. В этот момент лучше быть от здешних вояк подальше. Виталий по собственному опыту знал: подобное шакалье ненавидит тех, кто оказался свидетелем их трусости.

И пускай даже то, что произошло сейчас, на что-то особенное не тянуло, эпизод на войне банальный для любой армии, но в душе-то нацики знают, чего стоят. И это раздувает степень позора в их собственных глазах до невиданных высот. Так что валить надо отсюда, не то шлепнут и фамилии не спросят. И никакая легенда в такой ситуации не поможет, до нее, скорее всего, и не дойдет вовсе.

– Дяденька, заберите нас отсюда...

Прозвучало это настолько внезапно, что Виталий едва не подпрыгнул. Однако справился с собой мгновенно, благо опыт преподавания закалил и научил справляться с неожиданностями. Не торопясь развернулся, увидел новых персонажей и удивленно приподнял брови.

– А вы кто такие?

Девчонка лет тринадцати-четырнадцати на вид и пацан на пару лет младше переглянулись.

– От своих отстали, – после короткой паузы сообщила старшая. – Ехали на автобусе, остановились перекусить. А потом выходим – автобуса нет.

– И что?

– Денег нет, не уехать. Да и автобусов со вчерашнего дня не было.

– Я понял. Ну, а я при чем?

Дети как-то устало переглянулись, развернулись дружно и побрели прочь. М-дя... Усталость, похоже, у них перевешивала страх.

Виталий поморщился, лихорадочно обдумывая ситуацию. Вариант, что к нему попытаются кого-то подсадить, считали реальным и пред-усматривали изначально. Однако сейчас был явно не тот случай. И дело не в юном возрасте подошедших. Во-первых, найти взрослую женщину, выглядящую, как малолетняя нимфетка, на самом деле не так уж и сложно. И куча «медовых ловушек» была построена именно на этом. А во-вторых, ребенок может быть ничуть не менее опасен, чем взрослый, и натаскать его, к примеру, убивать не так уж и сложно.

Все так, но вот оперативность... Просчитать, куда направится Третьяков, довольно сложно. Он сейчас полностью автономен, все решения принимает сам, ни перед кем не отчитывается, даже мобильного в кармане нет. Автомобиль тоже проверен – и теми, кто его доставлял, и самим Виталием.

Нет, поймать его в такой ситуации можно, но сложно. И в любом случае, не так быстро. Кто бы ни вел охоту, возможности его не беспредельны и распределены на три вероятных маршрута, плюс вариации в виде мелких поселений и соединяющих их проселков. С таким распределением сил и средств... Нет, это несерьезно. И пусть говорят, что случайности неслу-

чайны, в данном случае крайне маловероятно, чтобы эти двое были кем-то нацелены против него.

«Нива» завелась не сразу. Бывает за машинами подобный грешок, за отечественными, особенно старых моделей, тем более. Однако терпение и труд все перетрут, и детище родного автопрома, в конце концов, громко чихнуло, выпустило из выхлопной трубы порцию черного дыма и удивительно ровно загудело. Оставалось лишь сесть за руль, с трудом удержаться от того, чтобы сделать остающимся неприличный жест, и, не слишком торопясь, поехать прочь.

Тех двоих он увидел очень скоро. Мальчишка сидел на обшарпанной скамейке у невысокого, но имеющего представительный вид здания, девчонка стояла рядом и что-то ему говорила. А здание служило хорошей натурой для художника-баталиста. Уж больно живописно выглядело благодаря внушительной дыре от снаряда (и откуда он только сюда прилетел?) аккумулятор посреди фасада. Покосившаяся вывеска сообщала, что это автовокзал.

Рядом пара небольших павильонов, сейчас закрытых и украшенных внушительного размера замками на дверях. Очень похоже, здесь и впрямь останавливались автобусы, давая пассажирам возможность размять ноги, перекусить и справить естественные нужды. Тут же, на стене здания, потрепанный и рваный плакат со слащавой физиономией вождя и гаранта...

М-дя... Как ни странно, укропрезидента Виталию было даже немного жалко. Попал ведь как кур в ошип. Третьяков не претендовал на всезнание, но кое-какие моменты лежали на поверхности. Был актер, не блестящий, но вполне годный. Что называется, уверенный второй ряд. Снимался в России, зарабатывал неплохие деньги. Вообще, не украинец, а еврей. И в политику полез только чтобы пропиариться лишний раз. Как же, кандидатом в президенты был – фигура! Такому платить больше должны...

И что в результате? На протестах ухитрился выиграть, скорее всего, неожиданно для самого себя. Просто других ненавидели, а его – нет. Не имел ни команды, ни программы. Закономерно пролюбил все, что можно. А теперь если сдастся, его прирежут националисты, если не сдастся – с большой долей вероятности хлопнут русские. И куды ж бедному лицедею податься?

А ведь раньше фамилия этого клоуна звучала если не гордо, то достойно. Помнится, был такой полковник царской армии, уважаемый человек. Талантливый оружейник... Были и другие. Да блин, дед этого кадра! Гвардеец, офицер, войну прошел. Но помнить будут именно этого. Какую фамилию опошил, гад...

Чуть скрипнув тормозами, «Нива» остановилась. Виталий опустил стекло, мысленно ругаясь: отвык, что ручку надо крутить. Высунулся, коротко свистнул:

– Эй, вы, двое. Бегом сюда!

Подожли, не пытаясь корчить оскорбленное достоинство или демонстрировать возмущение. Остановились шагах в пяти. Виталий присмотрелся внимательнее. Ну да, мордашно похожи. Брат с сестрой, не иначе. Глупо...

– В машину, живо. И поехали отсюда.

Спорить они не стали. Единственно, замешкались – явно никогда не ездили в такой машине. А «Нива», при всех ее преимуществах, не-удобна с точки зрения посадки. Чтобы залезть на заднее сиденье, придется сложить переднее, а уж потом... Пятидверка удобнее. «Нива-Бронто», хоть и трехдверная, тоже ничего. А эта... Впрочем, он ведь и не планировал брать попутчиков.

– Стоять!

Виталий обернулся на крик и увидел быстро шурующего в их сторону мужика в камуфляже.

Мальчишка сзади схватил его за плечо, принялся трясти:

– Поехали! Быстрее!

– Еще чего. – Третьяков, не слишком торопясь, вылез из машины. – Может, у человека беда какая...

Например, острая нехватка звездюлей в организме. Но это он подумал про себя, внимательно рассматривая незваного гостя. А ничего такой мужичок. На полголовы выше Третьякова, малость пошире в плечах. Ну и помоложе лет на десять. Рожа толстая и помятая, про такую говорят: кирпича просит. В общем, типичный укронацик, вчера спустившийся с дерева, нашедший где-то автомат и от осознания этого потерявший берега.

– Заворачивай обратно! – замахал руками мужик.

– Зачем? Мне ехать надо.

– Заворачивай, говорю!

– За-чем? – по слогам повторил Виталий.

– Затем, что мы из-за твоей трусости погибать не должны. Пока вы здесь, по нам не стреляют.

– Ты действительно думаешь, что меня это волнует?

Главное для себя Третьяков уже установил. Перед ним человек, умеющий управляться с автоматом, и только. Не очень ловко умеющий, это сразу видно; те орлы, что были на заправке, выглядели куда более опасными. И не понимающий, что если собеседник от вида вооруженного оппонента не впал в ступор, к нему надо как минимум присмотреться. И уж никак не подходить на расстояние вытянутой руки.

Ударил Виталий аккурат в тот момент, когда оппонент начал стягивать с плеча автомат. Руки заняты, внимание отвлечено – милое дело. На все про все, правда, не более пары секунд, ну да понимающему человеку больше и не нужно. Много даже. С профессионалом не пройдет, но простите: где вы здесь видите профессионала?

Камуфлированный даже пискнуть не успел, только воздух ртом хватал, задыхаясь от боли, а Виталий уже скручивал ему руки. Для этого выдернул у побитого из штанов понтовый кожаный ремень. Веревка подошла бы лучше, ну так где ж ее взять-то? Бельевую у кого-нибудь реквизировать? Нет уж, нет уж, народ здесь такой, что на чужие разборки не реагируют, но за свое убьют. Пускай даже это свое – драный веник у крыльца. Так что ремешком обойдемся.

Все действие заняло не больше минуты. Проще, конечно, было убить, и в другое время Третьяков так и поступил бы, но если появилась такая шикарная возможность наследить, почему бы нет? Оставалось лишь пинком столкнуть получившуюся пародию на мумию в яму возле ближайшего забора и вернуться в машину.

– Как-то так, – пояснил он обалдело наблюдавшим за ним подросткам и положил на пассажирское кресло рядом с собой автомат и три запасных магазина. Туда же отправился неплохой нож в твердых пластиковых ножнах. – Запомните, дети: если появилась возможность на халяву пополнить арсенал, ею стоит воспользоваться. Враг – он ваш интендант.

Машина резво, насколько позволял ее не самый передовой двигатель, умчалась прочь, однако на том сегодняшние приключения не закончились. Отъехав на какой-то десяток километров, Виталию довелось стать свидетелем очередного эпизода войны. Рядового, в общем-то, ничем принципиально не отличающегося от много раз виденного им раньше, но от этого не менее мрачного.

Они как раз догоняли колонну из трех тентованных КамАЗов, сопровождаемых бронетранспортером. Дорога выглядела на удивление пустынной: здесь, вдалеке от города, ездили немногие. Впрочем, оно и к лучшему. Виталий уже прикидывал, как поудобнее обогнать грузовики, уж больно черепашьям шагом они плелись.

Именно в этот момент с неба донесся знакомый уже гул, и Виталий, не раздумывая, выкрутил руль, уводя машину с трассы. Как бы ни повернулось дело, следовало быть подальше от эпицентра событий. Для здоровья полезнее.

В поле они откатали метров на сто. Дальше Виталий, почувствовав, что еще немного – и вопреки усилиям неплохой «грязевой» резины посадит машину на брюхо, ехать не рискнул.

Впрочем, и это было неплохо. Укрывшись за машиной, он без тени сочувствия, но и не злорадуясь, вместе с пассажирами наблюдал маленькую локальную драму.

Четверка вертолетов вынырнула из-за холмов, словно прячущиеся в засаде голодные хищники. Были это те же машины, что и в прошлый раз, или здесь разминалась другая группа охотников, Виталий не знал. Да и непринципиально это. Главное, любой из вертолетов нес ракет достаточно, чтобы сровнять с землей небольшой поселок. А те, кто ехал на КамАЗах, совсем не жаждали огрести всем этим богатством по макушке. И зубы, чтоб огрызнуться, у них тоже имелись.

Из головной машины прямо на ходу пальнули «Стингером». С бронетранспортера тоже. Вертолеты отстрелили тепловые ловушки и выполнили противоракетный маневр. Одна ракета ушла куда-то в сторону моря: очевидно, головка наведения оказалась сбита с толку. А вот вторая оказалась умнее и на ловушки не отвлеклась.

Но и пилот оказался хорош. В последний момент, виртуозно развернувшись, он почти увернулся, и хотя его зацепило, повреждения были далеки от критических. Во всяком случае, падать машина не собиралась, даже из боя не вышла.

Ответка не заставила себя ждать, и, как это часто бывает, нарушителям спокойствия прилетело много и от всех сразу. Дорогу буквально затопило огнем: неуправляемых ракет пилоты не жалели. Да и что их жалеть? Российская армия сейчас щедро использовала оставшиеся в арсеналах устаревшие системы и боеприпасы с истекающим сроком годности. Все равно утилизировать, а так хоть с пользой. А когда ракет много, то не слишком высокая точность компенсируется огромной площадью, накрываемой сразу и наглухо.

Вряд ли кто-то мог выжить в этом аду. Правозащитники потом наверняка вопить начнут. А чего ж они ожидали, цинично подумал Виталий. Русские терпеливы, это национальная черта характера. Но любое терпение имеет предел. И когда он пришел, русские перестали уговаривать и начали убивать. Остановить их теперь местным без серьезной, на грани открытой войны, помощи извне вряд ли получится. А помощи этой они не дождутся: есть кому об этом позаботиться.

Впрочем, и с помощью тоже не продержатся. Виталий знал точно: решение о применении новых систем вооружения уже принято. Конечно, всему «цивилизованному» миру это не понравится. С другой стороны, почему бы и нет? Испытают новое оружие на двуногих мышках, благо те долго и упорно на это напрашивались. Проредят почти европейскую почти армию. И намекут всем соседям, чем кончится для них война.

Меж тем пламя на дороге опало. «Аллигаторы» прошли над разбитой колонной, не стреляя. Видать, целей достойных не осталось. Потом вертолеты дружно, как на параде, развернулись и отправились по своим делам, а Виталий вытер со лба некстати выступивший пот. Могли ведь и накрыть сдуру. Хотя по гражданским летчики обычно специально не били, на войне случается всякое.

– Ну как, посмотрим, что там наворотили? – задал он риторический вопрос пассажирам. Риторический потому, что решать ему и только ему, других вариантов не предусмотрено.

Если издали место боя выглядело жутко, то вблизи было еще хуже, поскольку к картинке добавлялись невидимые раньше детали, жуткий запах и море крови. Причем как самой по себе, так и в комплекте с разными частями тела вроде оторванной и все еще дергающейся, будто в паркинсонизме, ноги.

Пацана, не отстающего от Виталия, бурно стошнило. Его сестра держалась лучше: побледнела, конечно, однако даже характерного глотательного рефлекса Виталий не заметил. Здоровые нервы и крепкий желудок. Такой выдержкой и взрослые мужики не всегда могут похвастаться.

Отработали вертолетчики и впрямь хорошо – живых Виталий не увидел. Да и не искал, если честно. Найдет – и что с ними делать? Добивать не комильфо, помогать – так враги...

Зато еще одним автоматом, потертой, но ухоженной СВД, патронами и двумя пистолетами разжился. Ну и еще кое-чем по мелочи – в дороге мало ли что пригодится. Все, теперь можно устраивать небольшую войну. А главное, к наличию оружия никто не придерется: здесь власти раздают его всем подряд и без малейшего контроля. В крайнем случае можно честно признаться в мародерстве: здесь это дело житейское, никого не удивляет и преследуется исключительно формально.

– Если так пойдет дальше, завтра к вечеру можно будет рассчитывать на танк, – хмуро проворчал Виталий, забрасывая оружие в машину. – Рвем когти.

– А? – Судя по хорошему возгласу удивления, идиома была попутчикам незнакома.

Виталий поморщился: разница сленга между поколениями и регионами затрудняла понимание и действовала на нервы.

– Едем отсюда, быстро. А то мало ли кого нелегкая принесет.

Вот чего попутчики добавили, так это геморроя с ночевкой. Сам Виталий без проблем выпался бы в машине. Отогнал бы ее от дороги, и все – мест, где можно спрятаться от лишних глаз, в избытке. Но с детьми это вызывало определенные неудобства. Да и вокруг не родная тайга, в которой и вода чистая, и удобное место при должной сноровке найти не проблема.

Здесь и сейчас вокруг сыро и грязно. Весна, однако. Реки и ручьи, и без того не слишком чистые, вздулись и налились мутью. И неизвестно, кто гадил у ручья километром выше по течению. Пить и умываться из такого – верный путь к зарождению внутри тебя новой жизни. Даже если ты мужчина, паразитам на такие нюансы плевать.

Виталия подобное не страшило, благо учен изрядно, да и в бурной молодости приходилось бывать в местах куда менее благоустроенных, но дети... Этот чертов французский летчик, написавший «Маленького принца», в подкорку вбил людям, что мы в ответе за тех, кого приручаем. Вот и пришлось обдумывать альтернативные варианты, которые в прифронтовой полосе могли оказаться самыми неожиданными.

Надо признать, что пацан с девчонкой как раз не жаловались. Им вырваться из того села, где их подхватил Виталий, – уже праздник. Поесть нормально – праздник вдвойне. Виталий, пока они ехали, успел их немного разговорить. Точнее, в ультимативном порядке заявил, что или ему рассказывают все и отвечают на вопросы, или брысь из машины. Картинка получилась некрасивая.

Звали их Саша и Таня, прямо как героев проходного сериала. Жили они в Чернигове и как раз накануне большой разборки поехали в Одессу к бабушке. Конечно, учебный год в разгаре, но учителям на детей сейчас было, мягко говоря, наплевать. Побочный эффект нескольких лет жизни на пороховой бочке с ежедневной информационной накачкой – у всех совсем другое на уме.

К тому же детей в школе не столько учили, сколько вдалбливали им в головы постулаты о «клятых москалях». Идеологически оправдано, только вот в жизни вряд ли пригодится. Сколько ни пой гимн об умерших щенках, в институт это поступить не поможет и автомобиль починить тоже.

Родители этой парочки, будучи этническими русскими, школьный бред не одобряли и потому сверх необходимого детей в школе старались не держать. И поездку к бабушке, когда той захотелось пообщаться с внуками, организовали без особых проблем. Ну съездыт, вернутся... Вот только война спутала планы, не доехали они до бабушки.

В тот день, когда терпение русских лопнуло и зарвавшийся сосед начал огребать наконец давно заслуженных люлей, ребята как раз были в дороге. Остановились в этом селе, решили сходить до ветру и прогуляться вокруг, ноги размять, благо стоять автобус, как им сказали, будет долго.

Во время прогулки узнали о случившемся, примчались, а автобуса нет. Видать, его водитель решил никого не ждать и рванул от греха подальше. Правда, не совсем понятно, с чего он решил, что где-то будет безопаснее, но у таракана в его голове, наверное, имелись на сей счет веские аргументы.

Самое же гнусное началось после этого. Не прошло и десяти минут, как местные их буквально выпотрошили – очистили карманы от всего, что может быть ценным. Деньги, телефоны – все! Татьяну два мужика, вполне, к слову, почтенной наружности едва не утащили для вполне понятного разговора. Насилу вывернулась и убежала.

После этого оставалось старательно тихариться. Еду воровали: делиться с ними хоть чем-то никто не собирался. Пытались уехать, но водители автобусов, пока те еще ходили, без денег брать отказывались, те, у кого свои машины – тоже.

Вдобавок приехали вчера сразу две банды, называющие себя бойцами за «самостийность» и «нэзалэжность». Эти просто перестали выпускать рискнувших остановиться здесь людей: им нужен был живой щит. То, что русская авиация по гражданским не работает, было общеизвестно.

Между собой эти умники держались как кошка с собакой, но сцепиться не торопились. Зато грабили совершенно одинаково. Ребята прятались на заброшенном сеновале (девчонка после тех ночевок ощутимо покашливала), а потому избежали пристального внимания «защитников». Иначе могли бы и пристрелить. За что? Да за чистую русскую речь хотя бы. Ну а потом приехал Третьяков, дети в очередной раз рискнули – и им выпало zero.

Что же, кому-то подобное поведение обычных, вроде бы законопослушных людей могло показаться диким, Третьяков же отнесся к нему безразлично. Видел уже такое, и не раз. Когда человек не имеет нравственного стержня, в любой кризисной ситуации мораль побоку. Каждый сам за себя, умри ты сегодня, а я завтра, и прочие мысли того же фасона.

А где взять моральный стержень украинцам, которых оболванивали всеми возможными способами тридцать лет? Вот у тех, кто чуть послабее, и лезет наружу свиное рыло. А за ними, увидев, что «так можно было» и «за это ничего не будет», живо подтягиваются остальные. Обычная ситуация – и в Сирии пришлось наблюдать, и в Грузии, да и до того видел. И везде примерно одинаково, разве что национальный колорит отличается.

Главным же выводом, который можно было сделать из рассказа, оказался тот простой факт, что сельскую глубинку киевские власти уже не контролируют. Крупные города, скорее всего, еще остаются у них в подчинении, но за околицу выходить не рекомендуется.

То, что с детьми поступили по беспределу, говорило о полном бездействии здешних полицейских. Видать, прикинулись ветошью и не отсвечивают, ожидая, чем закончится дело. А потом, соответственно, лягут под победителя, ибо работающие «на земле», за редким исключением, не идиоты и лить кровь за дурную власть не собираются.

А те, кто установил контроль над селом, это действительно банды. Националисты они или еще какие – исты – вопрос второй. Хотя, скорее, это все же какие-то вновь сформированные из резервистов части. Дисциплины минимум, подготовка хромает, оружия горы. Но на самом деле это вторично. Главное, такие мародерствующие уроды чувствуют себя хозяевами положения. А значит, сил, чтобы навести порядок, у Киева просто нет.

«Система рушится на глазах», – отстраненно думал Третьяков, аккуратными движениями руля заставляя машину лавировать между ям. Аналитики ошиблись. Они, конечно, знали, что это произойдет, но никто не предполагал, что так быстро.

Хорошо это или плохо? Глобально не его ума дело. А применительно к заданию... Да так на так, наверное. С одной стороны, вдали от линии фронта всем по фигу, кто и куда едет. Какого-то намека на тотальный контроль не может быть в принципе. С другой стороны, по территории беспредела ездить всегда опаснее и получить пулю в башку куда проще, чем там,

где поддерживается хотя бы видимость порядка. Но выбирать не приходится, поэтому рули и радуйся, что все еще жив.

В известной степени, его мысли были подтверждены отношением местных к контролю передвижения транспортных средств. Документы у Виталия за день проверяли дважды, оба раза мобильные армейские патрули, то и дело с тревогой поглядывающие на небо. Оба раза легенда уверенно прошла проверку, и реакция тоже была одинаковой.

Видя официально аккредитованного либерального журналиста из «клятой Рашки», патрульные удивлялись. А узнав, что он планирует проехать вдоль линии фронта, дабы взять интервью и состряпать цикл статей о буднях героических украинских военных, разве что пальцем у виска не крутили. Однако же и задерживать не пытались, равно как и придираться к лежащему в машине арсеналу. Времена беспокойные, на дорогах может встретиться кто угодно, и оружие – это не нарушение, а стандартная мера предосторожности.

Слабым местом выглядели попутчики, но их спасал возраст и почти правдивый рассказ о том, кто они. В смысле, отстали от автобуса, попросили подвезти... О злоключениях в том селе можно было и промолчать. В обоих случаях на ребят только рукой махнули: проезжай, мол. Солдаты были испуганы, злы, но человеческий облик еще не потеряли.

Вопрос с ночлегом решился неожиданно просто и по большому счету случайно. Просто в быстро наступающей темноте Виталий, проезжая через очередное село, ухитрился рассмотреть слабо освещенный фасад придорожной гостиницы, возле которой на стоянке притулились здоровенная фура и пара легковушек. На логово доморощенных фашистов как-то не похоже. Риск? Ну да, имеется. Но ведь Третьяков и приехал сюда, чтобы рисковать. Да и, откровенно говоря, сейчас неизвестно, где опаснее.

Внутри горел неяркий свет, и заспанный парень без проволочек выделил им двухместную комнату, добавив раскладушку. На деньги смотрел без особого вожделения: спать очень хотел, похоже. Да и бумажник Виталий светил с тем расчетом, чтобы у администратора сложилось впечатление: брать особо нечего, и возможная прибыль не стоит риска. Оружие у заселяющихся его тоже не впечатлило: здесь оно было уже почти у всех. И даже документы не спросил: бумажки с номиналом, частью хрустящие, частью засаленные от долгого употребления, вполне их заменили.

Номер для придорожного мотеля оказался на удивление неплох. Простыни чистые, санузел имелся в номере, а не на этаже, один на всех, как поначалу думал Третьяков. Словом, вполне комфортно, если не придираться к мелочам. Цены, конечно, грабительские, но с учетом того, какой бедлам творится вокруг, вполне обоснованные.

Ужина, правда, не было, да оно и понятно: все же и приехали они поздно, и вокруг как бы война. Сказали, правда, где ближайшая забегаловка, но честно предупредили, что за последствия для здоровья после дегустации тамошних блюд отвечает сам посетитель. А то поешь – и будет почти по классике: огурцы да молоко, да бумага туалетная, и тогда искать меня в поле не советую...

Нет уж, нет уж, как-нибудь в другой раз. Хорошо еще в машине сейчас был неплохой запас продуктов, даже с учетом резко пополнившегося числа путешественников.

В душ Виталий полез последним, дав ребятам вдоволь наплескаться. А то не мылись они давненько. Гигиену пытались соблюдать, но в машине, пока ехали, все равно чувствовался запах. Сам он тоже хорошенько сполоснулся, благо горячая вода имелась, не так уж и плохо в этом отношении жили коммерсанты. А когда он вышел, попутчики уже дрыхли – намаялись...

Некоторое время Третьяков сидел, маленькими глотками прихлебывая чай, благо хотя бы с кипятком проблем не было. И мысли его плыли одновременно в двух направлениях. Во-первых, по поводу дальнейшего маршрута, а во-вторых, вокруг оружия, сейчас хозяйственно убранного в шкаф – на всякий случай и во избежание.

Да уж, если обыватели начинают столь обыденно и даже безразлично относиться к набору оружия, которого лично ему хватило бы на небольшую войну, это о многом говорит. И ни о чем хорошем точно – разоружать эту страну даже после окончательного ее разгрома и капитуляции придется не один год.

Задумчиво покрутил в руках пистолеты, на автопилоте провел неполную разборку, собрал обратно и отложил в сторону. «Беретта» – хорошая вещь, «стечкин» – тоже. Состояние обоих близко к идеальному. Те, у кого он их забрал, были плохими людьми, но хорошими солдатами. Пристрелять бы... Хотя для короткой дистанции особой разницы нет. А вот автоматы надо опробовать обязательно. Выбрать завтра место по-укромнее – и вперед. Сегодня времени не было, да и места подходящего на глаза как-то не попадалось, а вот завтра – обязательно.

С маршрутом было сложнее. Днем он сколько ни крутил старомодную шайбу на олдскульной (блин, да она же под кассеты рассчитана!) магнитоле, поймать ничего интересного не смог. На всех волнах только патриотичные вопли на трудновоспринимаемой мове. Ведущие звиздели, как депутаты на митинге: если им верить, то русская армия была уничтожена уже как минимум трижды. Нет, депутатов слушать все же приятней. Врут почти так же, зато хотя бы на знакомом языке.

Но интерес интересом, а составить в голове хотя бы подобие картинки не получалось. Он четко знал, какие расклады были на момент высадки, имел представление о ближайших планах командования, но сейчас все это могло оказаться уже неактуальным. Как быстро может измениться обстановка в зоне боевых действий, знает каждый, хоть раз оказывавшийся на передовой. Виталий уяснил это на собственном опыте давным-давно. Увы, дальше приходилось рассчитывать исключительно на собственные силы.

Сзади скрипнула кровать, слышались осторожные шаги. Виталий обернулся, кивнул Тане:

– Садись, наливай чай.

Та не стала жеманничать, быстро наполнила кружку, кинула в нее пакетик и тут же вгрызлась в бутерброд. Прожевала, а затем с некоторой опаской спросила:

– Скажите, почему вы нам помогли?

Потому что дурак, хотел ответить Третьяков, но вслух лишь сказал:

– Это было правильно.

– У нас нечем вам заплатить...

Под острым взглядом собеседника она невольно поежилась. Виталий мысленно вздохнул. Пожалуй, он не удивился бы, предложи она в качестве оплаты саму себя. Да и чего удивляться? Сталкивался уже как-то, причем та сопля не испытывала к подобному ни капли негатива. Деловое предложение, не более.

Впрочем, Таня промолчала, и это, на взгляд Третьякова, характеризовало ее совсем неплохо. Зато ее вопрос, прозвучавший после короткой паузы, звучал вполне здраво:

– Что с нами будет?

– Вариантов не так и много, честно говоря. – Виталий отхлебнул из своей кружки, задумчиво покатав во рту шарик горячей жидкости. Проглотил без удовольствия: гостиничный чай был, как и положено, из самых дешевых, и вкус имел соответствующий. – Во-первых, можем разбежаться хоть завтра. Я поеду своей дорогой, вы пойдете своей. Устраивает?

Девчонка замотала головой. Похоже, расклады она умела оценивать неплохо, можно сказать, по-взрослому. Впрочем, на изломе времен, да и вообще на войне, дети взрослеют быстро.

– Второй вариант – доставить вас домой. Это не устраивает уже меня: не то время, чтобы кружить по вашей стране сверх необходимого. Пристрелят еще случайно.

– И что тогда?

– Можно спрятать вас там, где вы сможете отсидеться, пока все это не закончится. Если повезет и связь будет, еще и с родителями созвонитесь и предупредите, чтобы не дергались. Есть у вас такое место?

Таня вновь помотала головой. Излишне резко получилось – не успевшие до конца просохнуть волосы темными сосульками хлестнули по воздуху.

Третьяков вздохнул:

– Почему-то я так и думал. Ладно, иди спать, утро вечера мудренее.

Следующее утро не принесло чего-то нового. Заспанный дежурный принял ключи и ушел спать, не обращая внимания на далекий, на грани слышимости, грохот взрывов. Что уж там стреляло, Виталий гадать не стал: звук был нечеткий, а слух у него и в лучшие годы музыкальным не считался.

Выехали они рано, дорога сегодня выглядела неплохой. И лишь ближе к обеду появилось какое-то разнообразие. Вначале Третьяков услышал рев двигателей. Довольно поздно услышал, к слову: «Нива», как ей и положено, завывала так, что способна была заглушить что угодно. Однако услышал, а через пару секунд увидел и сам его источник. И испытал двойственные чувства.

«Грач», он же Су-25. Тяжелобронированный, по меркам авиации, штурмовик, несущий столько оружия, что способен разделить под орех любую наземную цель. Его характерный силуэт, однажды увидев, не спутаешь ни с чем.

В свое время Третьяков привык, что появление этих машин означает перелом в ходе боя. Причем в нужную, то есть русскую, сторону. И потому, несмотря на прошедшие годы, рефлекс сработал независимо от сознания. Радость – именно это он испытал. Вот только этот самолет нес опознавательные знаки врага.

Украинский штурмовик мчался вдоль самой земли, выписывая кренделя. Летчик у него, видимо, был хорош. Ну да и неудивительно, школа пилотирования на Украине имела в основе те же, что и в России, советские наработки, а это серьезная база, кто угодно подтвердит.

И пускай они качественно «просели» из-за вечного недостатка финансирования, какое-то количество грамотных пилотов у них просто обязано быть. Да и вообще, с учетом потерь, кто-нибудь из «стариков», которых готовили еще в Союзе, мог и сам за штурвал сесть. У них, конечно, возраст для подобного великоват, но ради такого дела – почему б не рискнуть?

Петлял самолет не просто так. Откуда-то из-за горизонта вынырнула, оставляя инверсионный след, ракета. Сколь мог судить Третьяков, авиационная. Похоже, русский истребитель засек цель и отработал по ней с дистанции, на которой штурмовику просто нечем ответить.

Ракета уверенно зашла в хвост украшенному тризубами самолету, но в последний момент тот отработал рулями, заставив машину совершить немыслимый и противоречащий законам аэродинамики маневр. Уклонившись от удара, он резко сменил курс и нырнул куда-то за холмы. Что с ним было дальше, Виталий уже не видел.

Вот так. Это была украинская машина, и за штурвалом сидел враг, но... Но вот не получалось его ненавидеть, хоть тресни. Этих, на земле, с дегенеративными рожами – да сколько угодно. А летчика почему-то нет, хотя он, возможно, был ничем их не лучше. Наверное, именно знакомый силуэт в небе повлиял. И Виталий искренне пожелал им обоим выжить в этой войне, а там – как карта ляжет.

Однако это был единственный эпизод за полдня, даже патрулей не попадалось. А затем Виталий свернул на неприметный проселок, чтобы буквально через пару километров въехать в очередную станицу и подрулить к дому, расположенному аккурат на противоположной от въезда окраине.

Честное слово, не хотелось заниматься этим сейчас, но особого выбора не было. Не выкидывать же и впрямь пассажиров на обочину. Заехать по этому адресу Виталий планировал

намного позже. В идеале, когда закончится творящееся здесь безобразие. И уж в любом случае после выполнения задания. Просто чтобы не подставить в случае чего.

Увы и ах, обстоятельства так сложились, что особого выбора не было. Человек, к дому которого на следующий день подрулила «Нива», был его единственным контактом в этих местах. Точнее, единственным, кому можно было доверять без оглядки и без раздумий.

Забор, окружающий дом, был высок и капитален. Никакой лишней красоты вроде кованых финтифлюшек, зато металл качественный и в высоту, как на глаз определил Третьяков, почти три метра. Разглядеть через него можно было разве что крышу второго этажа. Тоже капитальную, крытую железом. Простой и надежный вариант, без лишней красоты.

На стук из-за забора внушительно загавкала собака. По звуку судя, что-то большое и грозное, хотя Третьякову приходилось слышать, как таксы гавкают страшнее. Впрочем, тот, кто здесь жил, мелких собачек не любил никогда: привычка у него была такая.

Виталий постучал еще раз, только громче. Собака еще пару раз брехнула и замолкла. А затем послышались очень мягкие, почти беззвучные шаги, и щелкнул, открываясь, замок.

Из ворот появился мужик, по сравнению с которым Третьяков, сам человек вышесредних габаритов, терялся, будто холмик под скалой. Метр девяносто четыре ростом и поперек себя шире. Вдобавок отрастивший немалое, истинно казацкое брюхо и буйную, отроду не чесанную бородищу. Учитывая, что человек этот вполне мог проломить голой рукой кирпичную стену, картина впечатляла. Такого в переулке встретишь – сам карманы вывернешь.

Все невольно попятились, и лишь Виталий остался недвижим. Прищурившись, внимательно посмотрел на встречающего и выдал то, что рискнул бы, наверное, только он один.

– Здорово, морда хохляцкая!

Мужик скорее удивленно, чем зло, посмотрел на него, а потом вдруг заржал как конь, хлопнув себя руками по бокам:

– Привет, москаль!

В следующий миг Третьяков узнал, что чувствует томат в соковыжималке. Именно на нее объятия и походили. А еще через миг Виталий почувствовал, как ноги его отрываются от земли... Впрочем, зная характер этого человека, можно было ожидать чего-то еще.

– Пусти! Немедленно поставь командира на место! Планета не простит тебе гибели лучшего представителя человечества!

Вот так, не забыв прaporщик Кравченко своего командира. Не забыл, как на себе его двенадцать километров пер, уходя от вконец оборзевших абреков. И как двумя месяцами позже выносили уже его, а Третьяков с парой бойцов засели в ущелье и прикрывали отход. Вот так...

Жаль, потом судьба развела. Кравченко после службы уехал на Украину, к родственникам. На неделю поехал, но встретил женщину своей мечты да там и осел. Виталий стал... тем, кем стал. Иногда переписывались, благо интернет расширяет границы и снимает преграды к общению, но и только. Встретились первый раз по-чти за двадцать лет и, как оказалось, друг друга все же не забыли.

Уже ближе к вечеру чисто вымытый и немного отдохнувший с дороги Виталий сидел и внимательно разглядывал бутылку со сливянкой. Кравченко заявил, что жена его наливку сию готовит дивно и не попробовать ее – смертный грех и великая обида. Хотелось верить, хотя пахла настойка, конечно, заметно приятнее любого импортного коньяка.

Впрочем, бутылка была не слишком большой – как раз такая, чтобы двум мужчинам хватило душевно посидеть, но при этом не нажраться в зюзю. Именно двоим: и пассажиры Виталия, и дети самого хозяина уже дрыхли, а мадам Кравченко деликатно покинула их, дабы не мешать мужу общаться со старым товарищем. Интеллигентка в лучшем понимании.

Вообще, удивительно даже, как они уживались. Неплохо, судя по всему, но как? Более непохожую пару стоило еще поискать. Великан Кравченко – в предках бандиты, пираты, бунтари, словом, уважающие себя запорожские казаки. Потом лихая година гражданской войны

занесла прадеда в Сибирь, где он и осел в славном городе Иркутске. И оттуда родом сам Анатолий, унаследовавший от предков богатырскую статью, буйный нрав и любовь к приключениям, которая его, собственно, в армию когда-то и занесла.

А его жена – с точностью до наоборот. Интеллигентка из Питера, даже вроде бы дворянских корней. Для женщины довольно высокая, но все равно ниже мужа больше чем на голову. Худошавая и подвижная, даже возраст и рождение троих детей не заставили ее фигуру расплыться. Учительница музыки. Была. После развала страны приехала к родственникам, занималась чем придется.

А сейчас открыла собственную маленькую частную школу – на первые три класса. Крупных поселков с полноценными школами в округе нет, и местным куда выгоднее отдавать детей в обучение здесь, чем везти неведомо куда. Особенно в последние беспокойные годы. Как с усмешкой, но по-доброму сказал Анатолий, прибыли чуть, но работает не себе в убыток. Да и она при деле.

Чем занимался он сам, Кравченко не распространялся, а Виталий не спрашивал. Захочет – сам расскажет, не захочет – значит, так нужно. Однако же не бедствовал, это точно. Дом могучий, во дворе средней потрепанности «Крузак». Ну и прочая атрибутика преуспевающего сельского жителя имеется.

– Вздрогнули?

Кравченко аккуратно набулькал сливянку в небольшие, напоминающие скорее стопочки-переростки, стаканы. Виталий лишь кивнул. Обжигающая, градусов под шестьдесят крепостью, жидкость лихо скатилась по пищеводу. Следом полетело сало, захрустели на губах огурчики.

Кравченко выдохнул:

– Хорошо!..

– Это точно. Как тут, на тебя еще наезжать не пытались?

– Да приходили тут какие-то. Говорили, что из «Азова», но я им не поверил: уж больно вид мелкотравчатый.

– И что?

– Да ничего. Автоматы в хозяйстве сгодятся, особенно по нынешним временам. А они там, у оврага. Отдают земле свою органику и прочее железо с цинком.

Виталий понятиливо кивнул: значит, убил и закопал подальше. Зная товарища, можно предположить, что вначале по-хорошему попросил убираться, а когда его с первого раза не послушали, решил вопрос кардинально. Учитывая, что в полку Кравченко был лучшим рукопашником, да и стрелком не из последних, плюс в горячих точках приобрел ценную привычку не бояться крови, вряд ли для него гости представляли реальную угрозу.

– Ну, тогда за упокой.

Выпили, закусили. Потом Кравченко побарабанил кончиками пальцев по краю стола и спросил:

– Вот ты мне скажи: чем все закончится?

– Да хрен его знает, слишком много факторов. Одно знаю точно: останавливаться наши не будут, пойдут до конца. До любого. Нельзя нам уже останавливаться.

– А людям что?

– Да ничего. На ком крови нет, тех никто и пинать не будет... сверх меры. Хотя, думаю, любителей в Сетях гадости писать под шумок отловят. И не удивлюсь, если втихую удавят: на них уж больно многие злы, а кто писал да откуда известно сразу. Ты вон, хоть у старшего своего поинтересуйся, он подтвердит, что дело это достаточно простое.

– Да я и сам знаю.

– Тем более. И отлично знаешь, что, с точки зрения государства, люди – ценный ресурс. Конечно, многие территории кое-кто предпочел бы видеть без фауны. Их можно понять, но большинство оценивают расклады куда более трезво.

– Да уж...

– Ладно, не кипишуй. У тебя-то паспорт наш.

– Угу. Если местные узнают...

– Тут же настучат, – ухмыльнулся, закончив за него фразу, Виталий. – И после этого тыполнишь свою коллекцию еще парой-тройкой стволов.

– Ну, в принципе, да, – вернул усмешку товарищ и тут же посерьезнел. – А ты сам-то здесь по каким делам?

– По работе. Спецзадание.

– Значит, ты опять в рядах?

– А я, считай, и не уходил. Разве что вывеска другая.

– И какая же?

Виталий сказал.

Кравченко впечатлился. Покрутил головой:

– Высоко взлетел, большим человеком стал.

– Если бы. По сути, обычный чиновник, разве что полномочия запредельные. И то не всегда. Хотя иной раз приходится потряхнуть стариной. И работы, чувствую, скоро будет еще больше.

– Ну, ты замученным жизнью не выглядишь.

– Годы берут свое, но на покой нам еще рано. – Третьяков улыбнулся. – Ну, за молодость?

– Давай.

Выпили, закусили. Чувствуя, что немного захмелел – усталость все же сказывалась, – Виталий несколько раз глубоко вздохнул и поинтересовался:

– Сам-то что дальше планируешь?

– Не знаю. Сейчас ничего: война плохое время для бизнеса, надо переждать. Эх, не успел я себе унитаз золотой купить...

– И зачем тебе золотой унитаз?

– От серебра задница чернеет. Ну да ладно. Пережду. А потом – по ситуации. А у тебя что, есть идеи?

– Откуда ты взял?

– Да уж больно у тебя рожа хитрая стала.

– Знаток, блин... Ладно, идея есть. Точнее, вполне сформировавшееся предложение.

Сам, – Виталий многозначительно ткнул пальцем вверх, – предложил вновь собрать нашу группу. Тех, кто его в Чечне прикрывал. Ну, кто согласится, конечно. Грядут крутые времена, работы будет много. А людей, на которых можно положиться, всегда нехватка. Нас же он помнит хорошо, причем всех.

– Серьезно, – после короткой паузы ответил Кравченко. – Но зачем ему пенсионеры?

– Поверь, сам никогда не делает предложений, не подумав. Если предложил – значит, есть для нас работа. Впрочем, это все потом. Сейчас же у меня есть задание, которое необходимо выполнить. Когда решу вопрос, заеду за тобой, поговорим более предметно. Если останусь жив, конечно.

– Останешься. Мы с тобой не раз уходили и всегда возвращались. Ну, за успех!

Когда утром Виталий уезжал, на душе было удивительно тепло. Все же есть на свете что-то незблемое. Как друзья, которых достаточно попросить о помощи – и они придут, не требуя ничего взамен и не спрашивая, насколько это опасно. Просто потому, что так надо.

А еще он вновь был один. Найденыши остались у Кравченко: тот пообещал, что прикроет их до конца смуты. Даже с родителями удалось связаться: мобильные хоть и с перебоями, но работали. Что же, за них можно быть спокойным.

А вот за самого себя – нет. Те, кто охотится за ним, просто обязаны были за время, что Виталий им дал, вычислить его маршрут. Можно не сомневаться, они сделали это, иначе грош им цена. А этих людей можно обвинить в чем угодно, только не в том, что они напрасно получают свое жалованье.

Село, в котором жил Кравченко, располагалось в чем-то даже удобно. Полчаса езды – и первая «реперная» точка. Еще одно село, а в нем в неприметном доме живет такой же неприметный человек. Встретиться, передать кое-что маловажное, получить столь же ненужную информацию и свалить куда подальше. Смысл встречи совсем в другом.

Впрочем, этой встречей задание не ограничивалось. Поэтому Виталий продолжал намамтывать километры, надеясь уехать сегодня как можно дальше.

Сегодня веселье началось почти сразу же, и полусотни километров отъехать не успел. Но что характерно, к заданию Виталия оно не имело никакого отношения. И уже в который раз началось все с рева двигателей, идущего с небес. На сей раз вертолетных.

Вертолет шел в гордом одиночестве. Старый добрый Ми-24, надежная и неприхотливая машина, вполне способная превратить любую цель в море огня. Почему один? Да хрен его знает. То ли со вторым что-то случилось, то ли вертолетчики обнаглели вконец. Если так, то зря. Одиночный вертолет слишком уязвим, это азбука.

Но красиво шел, Виталий аж залюбовался. Такие вертолеты вблизи похожи на таран, способный проломить любую стену. В воздухе от него словно бы исходит аура стремительной мощи. Не зря же их прозвали «крокодилами». Это вам не похожие на стрекоз «Апачи», это добротный летающий БМП старой советской школы вертолетостроения. Но при этом издали он все равно кажется изящным и стройным, как балерина. И тоже напоминал стрекозу, правда, изрядно отъевшуюся.

Вот в эту красоту кто-то и пальнул «Стингерами». Откуда пошли ракеты, Виталий не увидел, зато вертолетчики не оплошали, совершив грамотный противоракетный маневр. Более современные Ми-28 или «Аллигатор» наверняка уцелели бы, но старая машина выполнять пируэты столь лихо не могла. Да и тепловой след у Ми-24, несмотря на все модернизации, солидный. В общем, зенитчики попали. Раз или два, Третьяков не понял, все же дистанция была великовата. И тут же выяснилось, что «попали» обе стороны.

Вертолет, отчаянно рубя винтами стылый утренний воздух, разворачивался. Дым валил, словно кто-то плеснул в костер соляра, однако пламени видно не было. Управление машина тоже не потеряла и, хотя медленно снижалась, явно не собиралась брякаться оземь, разбрасывая вокруг обломки.

Вместо этого пилот развернулся в направлении, откуда прилетела ракета, и вернул подарок сторицей. Виталию не раз приходилось наблюдать за работой боевых вертолетов, и он неплохо представлял, что может нести на своих пилонах издали такая изящная и хрупкая с виду «стрекоза». Тем, кто не успел разбежаться, оставалось только посочувствовать.

Ракетный залп превратил если не ровное, то хотя бы пристойно выглядящее поле в изрытый кратерами лунный пейзаж. Вряд ли там могло хоть что-то выжить, и уж тем более не осталось ничего, способного стрелять.

Вертолетчики это, видимо, тоже понимали и двинулись вперед, быстро разгоняясь. Вполне понятный маневр: если не хватает мощности двигателя, набери скорость, и встречный поток воздуха подхватит машину и поможет ей уйти вверх.

И у них бы все получилось, но как раз в этот момент откуда-то сбоку ударил еще один «Стингер», и уклониться от атаки шансов у поврежденной машины уже не было.

Это страшно видеть, как полыхает и клубком огня падает вниз еще недавно могучая стальная птица. Еще страшнее понимать, что внутри экипаж. Как минимум двое в кабинах и еще, может статься, кто-то в десантном отсеке. Третьякову приходилось уже видеть, что остается на месте падения. Но на сей раз получилось иначе.

Несмотря на быстро разгорающийся пожар, тот, кто сидел за штурвалом, не потерял головы и не бросил управление. С техникой авторотации у него тоже был порядок, а набранной высоты вполне хватало. Вместо неуправляемого падения было снижение, очень быстрое, но все же не столь гибельное.

– Ах ты ж!.. – непроизвольно вырвалось у Третьякова, когда вертолет ударился о землю.

Посадка вышла жесткая, но машина выдержала, только стойки шасси вырвало, но это на общем фоне было наименьшей из возможных неприятностей. В бинокль было хорошо видно, как из раскрывшихся кабин выбираются пилоты. А затем распахнулся десантный отсек, и из него кубарем, сбивая пламя с одежды, выкатились еще двое.

Дальнейшее запомнилось Виталию фрагментарно, в основном потому, что он отчаянно гнал машину по бездорожью, на кочках подлетая едва не до потолка. Это было нарушением всех и всяческих инструкций, но давным-давно, еще в Чечне, он понял: иногда лучше нарушить правила, но остаться в собственных глазах человеком, чем поступиться совестью. И будет она грызть ой как долго и болезненно. Особенно в случае, когда нельзя выбить ей зубы, чтоб нежно посасывала.

Сейчас был именно такой случай. С точки, откуда он вел наблюдение, хорошо было видно, как вылезают из кустов украинские сепаратисты. К нацбату они относятся или еще к какой структуре – хрен их маму знает. И не видно, и неважно. В любом случае, если летчики попадут к ним в лапы, то позавидуют мертвым. Но «хероям» было добираться не меньше километра, а Виталию от силы метров пятьсот.

Он успел. Выкатился к вертолету как раз в тот момент, когда его экипаж закончил тушить своих пострадавших товарищей. Хорошо затормозил вовремя, а то изрешетили бы: вертолетчики буквально оцетинились стволами. Конечно, АКСУ – слабейшая из версий «калашника», но с такой дистанции попавший под огонь вряд ли заметит разницу.

– В машину, быстро! – Виталий распахнул дверь и высунулся, показывая пустые руки. – Скорее, болваны!

– У нас...

– Мне плевать, что у вас. Через пять минут здесь будут хохлы, не отобьетесь.

Ему поверили. Главным образом потому, что хорошо понимали: в покое их не оставят и помощь с неба вряд ли успеет. Народ был опытный и тертый: от Виталия не укрылось, что, забираясь в машину, они постоянно держали его на мушке одного-двух стволов. Правда, двое обожженных залезали с трудом, но тут уж он им ничем помочь не мог. На ногах стоят – и ладно.

Двое на заднее сиденье, один на правое, и еще один, недолго думая, запрыгнул в багажник. Там, правда, был запас продуктов и канистры, ну да ничего, поместится как-нибудь.

Виталий оглянулся вокруг, прыгнул за руль и скомандовал:

– Если что, стреляйте во все, что движется.

– Не учи...

– Заткнись, ученый. Там сзади оружие, можете использовать. А сейчас держитесь!

«Нива» – далеко не спортивный болид, а вот прыгать козлом с кочки на кочку у нее получается знатно. Как они не перевернулись, знал только ангел-хранитель Виталия, потому что пару раз машина отчетливо зависала на двух колесах. Но обошлось: отчаянно выкручивая руль, Третьяков вывел машину к проселку, успел даже немного отъехать, когда увидел выбирающийся на дорогу тентованный КамАЗ характерной армейской окраски. И дистанция до него была ой как невелика.

Фраза, которую выдал Виталий, была короткой и абсолютно нецензурной. Круто вывернув, он загнал машину за остов какого-то обгоревшего до полной неузнаваемости грузовика, благо их тут хватало, рывкнул пассажирам «Сидеть!» и выпрыгнул наружу.

Распахнул дверь багажника, увидел очумелые глаза вертолетчика и, не обращая более на него внимания, выудил снайперскую винтовку. Мысленно вознес молитву всем богам разом за то, чтобы не сбился прицел, и в два прыжка очутился возле изувеченной кабины служившего им сейчас укрытием агрегата.

Осмотрелся, бегом пробежал с полсотни метров, лихо взлетел на пригорок, открывающий неплохой обзор, и убедился, что успел вовремя. Плюхнулся на пузо, скрываясь за только-только начавшим зеленеть кустом. Поудобнее устроил на весьма удобном бугорке оружие, лоя цель, глубоко вдохнул и задержал дыхание.

СВД – оружие не новое, однако надежное, да и в качестве неприхотливой снайперской винтовки все еще вполне актуальное. Старый (да что там – древний) патрон, использовавшийся еще в винтовке Мосина, обладает хорошей поражающей способностью и прекрасной баллистикой. Кустарно забронированная кабина, может, и выдержала бы касательный удар, но не в этом случае.

Бронебойная пуля аккуратно проткнула железный лист, чуть изменив траекторию и потевряв большую часть энергии. Однако и оставшегося хватило. Водитель, заливая кабину брызжущей из разорванной артерии кровью, повалился вбок. На пассажира. Тот сориентировался мгновенно и попытался перехватить управление, но через секунду получил свою пулю в левое плечо. Не смертельно, но очень больно – кость вдребезги...

Грузовик, вильнув, выскочил из неглубокой колеи и тут же угодил в кювет, где благополучно завалился на бок. Неважно, сколько в том грузовике было народу. Неважно, кто убит, кого покалечило при аварии, а у кого ни единой царапины. Главное, что выбраться из кювета куда как непросто. Ну и, для полноты чувств, Третьяков добавил несколько пуль в то место, где у чужой машины двигатель. Не факт, что повредил, но шансы на то, безусловно, имелись.

Из кузова запрыгали, наконец, камуфлированные орлы. Из тех, что деревья клюют. Рассредоточились моментально – те, кто успел, разумеется. Двоих Виталий положил молниеносно: он хоть и не был профессиональным снайпером, но опыт не пропьешь.

Стрелял, правда, так, чтобы не убить. Зачем брать лишний грех на душу? С его послужным списком это звучит немного смешно, но все же, все же... Поэтому один получил свинцовую пилюлю в ногу (коленная чашечка вдребезги, но жить будет), второй – в живот. Особо целиться времени не было, так что лупить пришлось в наиболее выдающуюся часть организма.

Аккуратно сменить магазин: поразительно, как быстро можно отстрелять десять патронов. Внимательно осмотреть в прицел вражескую позицию... А хорошо замаскировались, гады! Инстинкт самосохранения во всей красе. Хотя нет, вон тот, явно страдающий лишним весом, отнесся к задаче халатно. Задница торчит.

Аккуратно, буквально по миллиметру выбрать ход курка... Ага, брызги во все стороны! Сосед раненого (а вот его Виталий не заметил вовсе) испуганно вскочил, заметался в панике как заяц – и получил свое, на этот раз, возможно, и насмерть.

Виталий поморщился. Все же задачей было не отправить на тот свет как можно больше фашистов, а максимально нагрузить уцелевших ранеными. Однако на самокритику времени не было. Противник засек его лежку. Точнее, вычислил, достаточно приблизительно, место, откуда работал стрелок, и применил излюбленный прием среднего уровня пехоты – начали азарт-но лупить по нему из всего, что имелось в наличии.

Задавить противника огнем – не самая худшая тактика. Главное, чтобы боеприпасов хватило, а дальше правит бал ее величество статистика. Но Виталий не собирался ждать шальной пули. Извиваясь как уж, он быстро отполз в сторону, буквально скатился в очень удобную яму,

после чего, низко пригибаясь, рванул прочь. Как оказалось, вовремя: сзади внушительно бухнуло. Похоже, у кого-то из укросолдат нашелся при себе гранатомет.

Что же, пускай развлекаются. Виталий быстро обогнул холм и вышел аккурат к примеченной еще во время стрельбы ямке. Обзор здесь был похуже, зато позиция позволяла работать по начавшим было подниматься воякам с фланга. В хорошем темпе расстреляв остатки магазина и добившись еще двух попаданий, Виталий окончательно заставил противников задуматься о ценности собственных жизней, а затем, не особенно торопясь, но и не задерживаясь, отступил.

К машине он вышел уверенным, едва не прогулочным шагом, удивленно приподнял брови, увидев направленные прямо в лоб автоматы, и усмехнулся:

– Не бойсь, мужики, порядок. Все, грузимся и валим, пока эти умники не очухались.

Минут через двадцать, отъехав подальше и замаскировавшись, они ждали группу эвакуации. Тогда же Виталий и узнал предысторию событий. Как оказалось, два Ми-24 поднялись утром с аэродрома под Белгородом (а может, и не оттуда, летчики в два счета могли выдать дезу просто из соображений секретности) для нанесения ударов по очередной колонне украинских войск. Поразительно, сколько у свидомитов оказалось техники, и если авиацию удалось худо-бедно ссадить с небес на землю, то БТРы, БМП, а то и танки периодически снова появлялись, расползаясь, как тараканы.

Виталий мысленно усмехнулся: уж он-то мог точно сказать, из каких клоповников поставляются эти тараканы. В список попали бы чуть не все страны бывшего Варшавского договора. Однако он промолчал: для летчиков это было совершенно лишней информацией. Когда надо будет, ее обнародуют, но сделают это совсем другие люди. Удел же Третьякова и ему подобных – оставаться в тени.

А летчики между тем рассказали, как нашли колонну, как разнесли ее в клочья, как наварались на «Стингеры». Ведомый получил ракету в двигатель, смог уйти на несколько километров, но потом все равно упал. Товарищи приземлились, выбрали экипаж, благо десантный отсек позволял доставить их домой с относительным комфортом, но далеко уйти не смогли. Остальное Виталий и сам наблюдал.

Что же, оставалось только ждать, благо маяк работал. И вскоре (не прошло и часа) раздался звук винтов, и в небе появились новые действующие лица. На сей раз командование не поскупилось. «Восьмерка» с десантом и прикрытие из пары «ночных охотников».

Ми-28 остались в воздухе, а Ми-8 аккуратно зашел на посадку, и почти сразу, лишь только шасси коснулись земли, из него как горох посыпались десантники. Все четко, как на учениях.

Виталий улыбнулся и встал:

– Ну все, мужики, удачи вам.

– А...

– У меня своя дорога и своя задача. И вообще, меня здесь не было.

С этими словами он повернулся и зашагал к машине. Уже отъезжая, Виталий успел увидеть, как летчики садятся в вертолет, и на миг позавидовал им. Действительно, у каждого своя война, но все же кто-то сходится с врагом лицом к лицу, а кто-то занят обеспечением чужих интриг. Вот как он сейчас.

Эту ночь он провел в чистом поле. Точнее, не совсем чистом. Скорее, наоборот, грязном, потому что весенняя земля раскисла до безобразия. Да и полем это можно было назвать весьма условно – так, заросший густым кустарником овражек. Зато в стороне от населенных пунктов, да и заметить машину в этом переплетении ветвей при всем желании непросто. Тем более ночью.

А еще он сменил машину. Довольно просто и банально – по праву сильного. Хотя и не обидев никого, поскольку новую брал в автосалоне. Проезжал очередной городишко, что характерно, неразграбленный, и увидел салон «Мицубиси», в котором, недолго думая, нагло экспроприировал новенький «Паджеро-Спорт». Машина, как он знал по собственному опыту, вполне сравнимая по проходимости и с «Нивой», и с уазиком. И что характерно, заметно их удобней.

Продавец отчего-то не хотел брать гривны, явно рассчитывая на доллары. К тому же Виталий платил по цене производителя, считал по официальному курсу, да еще и в довоенном варианте. Вот только в качестве аргумента на тему «покупатель всегда прав» Виталий продемонстрировал ему автомат.

Хозяин салона моментально проникся важностью раскладов. Взгляд, которым он провожал Виталия, был полон ненависти. Впрочем, кого это волновало? Так уж сложилось исторически, что человек с оружием во враждебной стране – царь и бог. И скидочную политику для себя он тоже устанавливает сам. Пулей расплатиться может, к примеру.

Именно поэтому Виталий, заплативший, как он считал, справедливую цену, плевать хотел на чужие обиды. И, уже уходя и видя, что сейчас ему в спину шепотом ляпнут что-нибудь нелicenseприятное, остановился на миг и посоветовал:

– Если надо изменить внешность, обращайтесь, помогу. Имею большой боксерский опыт. Могу дать скидку по знакомству.

Дилер подавился готовой сорваться с языка фразой и промолчал. А Третьяков, выдержав паузу и убедившись, что никто не собирается просить его о помощи, демонстративно пожал плечами и не спеша покинул салон.

Ночевка в машине для человека непривычного – дело мутное, но Виталий, успевший за свою жизнь поспать и под кустом, и на голых камнях, не привередничал. Сверху не капает, снизу тоже сухо, да еще и сравнительно мягко, так чего еще желать? Разве что теплого сортира не хватает.

Радио ловило кучу каналов. В отличие от «Нивы», оно не производило впечатления винтажного шедевра, а относилось скорее к банальному хай-теку. То есть все новое, вроде бы качественное и современное, но – без изюминки. И к слову, ловило так себе, хотя понять было можно. Вот только лови, не лови – сплошная мова, победные реляции и прочий с трудом разбираемый бред.

Потом удалось поймать канал, вещающий аж из Германии, где какой-то обозреватель жаловался на засилье беженцев, постоянно что-то требующих и ведущих себя все более нагло. Виталий лишь поморщился. Все же какими бы сволочами не были те, кто сейчас воевал против России, одного у них было не отнять. А именно – храбрости, достаточной, чтобы сражаться за свою страну. Эти же, сбежавшие, лишь на внешность мужчины, а так – амебы, и не более того.

Затем попался другой канал, на котором какой-то умник расписывал окружающим, как хреново стало, когда пришли русские, как они, дескать, грабят и насилуют. Пропаганда во всей красе, ибо дисциплина сейчас на уровне. Тем более у армии побеждающей. Но болтуну сопереживали вхохочущими женскими голосами. Такими противными, что воображение мигом нарисовало Виталию образы толстых дамочек далеко за сорок, страдающих от хронического недотраха и горячо завидующих украинкам, до которых русские солдаты добрались и всех их того-этого, на возраст невзирая.

«Идиотки, – подумал Виталий. – Наши так подставляться просто не будут. Хотя, откровенно говоря, как победители они в своем праве... А еще что-то Евросоюз против России уже дня три санкций не вводил. Они, вообще, живы? Может, их палкой потыкать?» С этой мыслью и почему-то легкой досадой Виталий выключил аппаратуру и завалился спать.

Разбудил его ранним утром грохот взрывов, идущий аккуратно со стороны поселка, в котором Виталий не далее как вчера покупал машину. Пулей взлетев на холм, Виталий оттуда смог

в подробностях наблюдать весьма завораживающую картину. Звено Ми-24, может статься, из того же полка, что сбитые вчера, деловито превращали недавно покинутый городишко в руины. Причем особенно старались...

Виталий присмотрелся и улыбнулся про себя, увидев место, куда сыпались удары. Что же, можно сказать, в кои-то веки ему выпало зеро. Хотя, конечно, операцию до конца доводить все равно придется.

Война, как ее ни называй, это не столько бои, сколько долгие марши и грязь. Неважно, под ногами или под колесами – в любом случае мешает здорово. А уж если ночью прошел мелкий, но долгий и нудный дождик, то колеса и вовсе превращаются в четыре облепленных глиной бублика. Особенно «радовало», что производитель по умолчанию ставит на серьезный внедорожник шоссейную резину. Не иначе, сговорившись с ее производителями – чтоб, значит, для покатушек отдельно покупали.

Виталий на полном серьезе опасался, что не выберется на дорогу, но обошлось. Сердито рыча дизелем, машина продемонстрировала, что не зря команда «Мицубиси» в свое время раз за разом выигрывала «Дакар». Но все же перевел дух Виталий, лишь когда лопатой, порядком измазавшись, срубил всю ту дрянь, что налипла на колеса. День начинался тяжело...

А еще совершенно не улучшила настроение картина, которую Виталий имел возможность наблюдать пять минут спустя, когда, немного отдохнув, уже собирался ехать дальше. По той же грязи, которую он совсем недавно с трудом преодолел, нарезав не кислую колею, уверенно шла другая машина. Без полного привода и внедорожной подготовки. И – без проблем.

Чем похож «Запорожец» на беременную пятиклассницу? И то и другое – позор семьи. И в этом есть толика истины. Самая дешевая легковая машина, выпускавшаяся в СССР эпохи развитого социализма. Самая маленькая, неудобная, вечно тарахтящая, абсолютно не престижная. Но вот на таких дорогах, точнее, их отсутствии, даже с водителем средней квалификации способная творить чудеса. Легкий, с небольшой колесной базой и, благодаря заднему расположению двигателя, хорошо нагруженными ведущими колесами, Запорожец иной раз прорывался там, где пасовали знаменитые «проходимцы».

Виталий как-то, еще в детстве, стал невольным свидетелем того, как у внезапно вспухшего от дождей ручья стояли и УАЗы, и «Нивы», а люди перебирались на своих двоих. Запорожец же, не останавливаясь, проскочил ручей, словно не заметив. Единственно, остановился на другой стороне. Водитель и пассажир синхронно открыли двери, подождали, когда стечет вода, и рванули дальше по своим делам.

Вот и сейчас древний, еще «ушастый» агрегат, неведомо как доживший до наших дней, лихо преодолел раскисшее поле и вылез на дорогу. Его водитель сделал Виталию неприличный жест и, держа морду кирпичом, рванул прочь. Только глина с колес во все стороны полетела. Оставалось лишь обтекать. В обоих смыслах.

Вчерашний городок он проскочил шустро, с интересом поглядев на дымящиеся развалины. Вертолетчики постарались и ракет, что характерно, не жалели. Вот так и рождаются легенды о русских зверствах. Ну да и черт бы с ними. Виталий рванул оттуда быстрее поросычье визга, и это, в глазах местных, выглядело вполне нормальным. Отлично! В следующий раз удобнее было бы начать оставлять следы подальше отсюда.

Сегодня дороги выглядели на редкость пустынными. То ли погода так влияла, то ли военные действия, идущие совсем недалеко. Во всяком случае, жженная техника попадалась все чаще, и постепенно Виталий вовсе перестал обращать на нее внимание. Дважды встречались небольшие, на три машины, автоколонны из армейских грузовиков. Правда, марку Виталий определить затруднился. Вроде бы похожи на КамАЗы, но не то. Хотя здесь и сейчас такая пересортица, что подумать страшно.

А один раз довелось наблюдать в бинокль самый настоящий бой с применением танков и пехоты. Правда, кто есть кто из-за схожести силуэтов техники понять с такого расстояния не

удавалось до самого конца. Ну и, как это часто бывает, триумфаторами были отнюдь не танкисты. Ибо бой закончился без особых успехов что с той, что с другой стороны. Просто с востока прилетели вертолеты и поставили жирную точку в обмене мнениями. Судя по легко узнаваемым силуэтам, вертушки были русскими. Соответственно, те, кого они пожгли, украинцами.

Ну а потом Виталию встретились местные дорожные полицаи. Усиленная, видимо, группа – восемь человек при двух машинах. Двое в форме, остальные – в камуфляже. И Третьякову они совершенно не понравились. Ему вообще не нравились те, кто машет ему полосатыми палочками. А потому он, тормозя, сунул руку в лежащую рядом сумку с трофеями, взятыми из разбитой колонны, быстро нащупал искомый предмет и спокойно открыл дверь.

– Откуда едешь?

Вопрос был задан на чистом русском, разве что, как почти у всех здесь, с «гэканьем».

Виталий ответил, и вопрошающий, толстый краснощекий детина в камуфляже, даже не стал его дослушивать. Видимо, русский язык без акцента здесь вполне мог заменить паспорт. Злорадно потеряв руки, полицаи ухмыльнулись:

– Ну шо, москалик, приплыл?

– Скорее приехал, – улыбнулся Виталий, вылезая из машины и одновременно бросая встречающим под ноги гранату. – Аллах акбар, хлопцы.

Ух, как они шикарно, рыбками прыгнули во все стороны. Рефлексы им поставить успели. А вот мозги – нет. Учебная граната не взрывается, зато несколько секунд форы дает. Оставалось только перестрелять всех, спокойно и деловито, не тратя лишних патронов. Хотя для «стечкина» достать их здесь и сейчас не проблема, но зачем? По одному выстрелу в голову – и хватит с них.

Подойдя к единственному уцелевшему, тому самому, что понтовался о «москалике», Виталий отвесил ему хороший расслабляющий удар по почкам, после чего быстро и аккуратно спеленал. Руки за спину, ноги тоже, чтоб, значит, бежать не вздумал, после чего быстро и вдумчиво обыскал и трупы, и пока еще живого языка.

Горка трофеев выглядела не слишком внушительно. Оружия хватало, из него собралась целая куча, а вот с остальным было как-то не очень. Так, мелочевка – документы, причем особо привлекали внимание паспорта, которых было втрое больше, чем нужно.

Пролистав их, Виталий понимающе хмыкнул. Очень похоже, биться за Украину до конца эти субчики не собирались и рассчитывали, случись нужда, просто раствориться в толпе обывателей. Иначе чем объяснить абсолютно одинаковые документы с одинаковыми же фотографиями, но выданные на разные фамилии?

А в остальном ничего примечательного. Мобильники, фляги со спиртным, патроны, ключи, презервативы – словом, обычный мужской набор. Хотя... Ни хрена себе! То ли орден, то ли медаль за взятие Крыма. Виталий слышал о том, что их успели не только наклепать, но даже и раздать. Угу, авансом.

Третьякову стало весело, только рвущийся наружу смех был с каким-то особо злобным привкусом. Повернувшись к пленному, он спросил:

– Что, свиномит, Крым хотели взять? А получилось взять только за щеку? За обе толстые свиные щеки?

Ответ, если бы он все же был, мог стать шедевром изящной словесности. Но, увы, полицаи не обогатил этот мир новыми словами – инстинкт самосохранения перевесил энтузиазм. Лежал, смотрел злобно, а вот рот предусмотрительно не открывал. Что ж, оно и к лучшему, подумал Виталий и вернулся к сортировке трофеев.

Одно удостоверение привлекло внимание Третьякова. Не своей необычностью даже (знал, что подобные можно здесь встретить), а фотографией. До странности знакомой фотографией. Не потребовалось даже вспоминать, где он видел лопоухого парня лет двадцати с по-

лошадиному вытянутым лицом. Конкретно его Виталий знал едва не с рождения и, хотя видел не часто, помнил хорошо. Вот же не ожидал такой встречи!

Совпадение? Возможно, бывают и покруче. А может, и нет. В любом случае требовалось немедленно прояснить ситуацию. Что Виталий и сделал.

– Откуда взял?

Укровоин посмотрел на него злыми глазами, но предпочел не спорить – мало ли что. Форс, конечно, держал, но получил пару раз ботинком под ребра и более судьбу не искушал.

А когда его исповедь закончилась, Виталий извлек из кучи трофеев телефон. Посмотрел, усмехнулся. Надо же, война идет вовсю, а сеть пускай слабо, но ловится. Набрал номер, который помнил на память, дождался ответа и спросил:

– Донатас! Ты как там?

– Я? Хорошо, – донесся из трубки удивленный голос. – А кто это?

– Третьяков. Не забыл еще?

– Виталий? – Удивления стало еще больше, но к нему добавились вполне доброжелательные нотки. – Ты откуда?

– Это неважно. Ты лучше скажи, как там у вас в Вильнюсе погода?

– Отвратно, как всегда. А что, приехать хочешь?

– Я? Да что я там забыл? Геморрой с визами?

В ответ раздался невеселый смех. Вот так, когда-то они с Донатасом учились в одной группе университета, потом судьба развела, хотя периодически они переписывались, не теряя контакт. Виталий стал тем, кем стал, а Донатас...

В общем, у него особого выбора не было: родители клятвенно пообещали отречься от сына, если тот не вернется на родину предков. Вернулся, куда деваться, только вот с работой по специальности вышел облом: зачем Литве геологи?

Но одно из главных преимуществ молодости, как ни странно, то, что у тебя еще ничего нет. А если ничего нет, то и терять, по большому счету, нечего. А значит, ты не боишься рисковать. И вчерашний студент не побоялся перечеркнуть прошлое и начать жизнь почти с нуля.

Вариантов было немало, и самым перспективным в тот момент казалось уйти в политику. На незатухающей волне национализма добиться определенных преференций было не так и сложно. Вот только играть в такие игры успешному пожить в России и не видевшему от нее ничего плохого Донатасу категорически не хотелось.

Вместо того чтобы митинговать или, как вариант, работать грузчиком, Донатас собрал шмотки и рванул за границу. Не в Европу, где, как он прекрасно понимал, все давным-давно поделено, а за океан. Благо английским худо-бедно владел, да и советское образование в те годы ценилось везде. Хоть и кривили губы, но признавали капиталисты, что техническое образование в СССР было лучшим в мире. Так что, помыкавшись с полгода, Донатас нашел работу по специальности и преуспел.

Объездил половину мира, заработал хорошие деньги, а потом вернулся домой. Все же Родина – она и есть Родина, и улица, по которой бегал в детстве, тянет куда сильнее, чем любые краски мира. Особенно когда у тебя пускай и специфическое, но советское воспитание.

Впрочем, и дома он показал приобретенную в Америке деловую хватку и сейчас владел неплохим и довольно прибыльным, по меркам Литвы, бизнесом. К слову, не раз бывал в России, и буквально прошлым летом они с Виталием славно отдохнули и порыбачили на Урале. Прошли, так сказать, по тропам бурной молодости.

– А что это у тебя за номер?

– Не мой, даже не записывай. Ты мне скажи лучше: Юргис твой все так же служит?

– Ну да. Сейчас в командировке где-то. Правда, где именно не говорят.

– Поздравляю тебя, Шарик, ты балбес.

– Чего?

– А того, что твоего ненаглядного мальчика запихнули на Украину, инструктором. С той стороны трубки тихо икнули – видимо, старому приятелю резко поплохело. Виталий зло поморщился и припечатал:

– Не знаю, что с ним, честно. Но глядя, что здесь творится, рекомендую срочно озаботиться новым наследником.

На сей раз в Литве что-то упало. Оставалось надеяться, что это не жена Донатаса, очень милая, а в молодости еще и красивая женщина. А потом в трубке раздался хрип:

– Виталий, если это...

– Это не дурацкий розыгрыш и не ужастик, если что. Просто у меня в руках документы твоего пацана и пара человек, его видевших. Живым, но без сознания, если тебе это важно. Больше информации не имею.

– Откуда у них документы?

– Это ж хохлы в наихудшем варианте значения, – пожал плечами, будто собеседник мог его видеть, Третьяков. – Он был у них инструктором. Когда их накрыло, под шумок ему карманы обшарили, загребли все, что было.

– Ты... там?

– Ну а где ж еще?

– Виталь, прошу! Вытащи его!

– Как? У меня свой маршрут, своя задача...

– Вытащи его. Богом клянусь, все отдам!

– Успокойся. – Третьякову стало редкостно неловко. – Донатас, я попытаюсь. Из всех сил, обещаю. Но – один раз. Если не получится, не взыщи, я не самоубийца. И да, не говори больше о деньгах. Если сделаю – летом проставишься. Какие сорта водки я люблю, ты знаешь...

Откровенно говоря, Донатасу он малость соврал. Конечно, у него своя задача, но маршрут-то выбирает самостоятельно. Главное – не сдохнуть раньше времени, остальное – ерунда. А если получится – что же, родная контора не будет против взять в разработку офицера вражеской армии. Пускай официальной войны нет, да и литовец по определению так, мелочь, однако же зернышко к зернышку – для курочки обед. В общем, пригодится.

Тела он спихнул в кювет, машины и вещи даже трогать не стал: наверняка местные заметят бесхозные, но полезные в хозяйстве предметы и быстро приделают им ноги. Уж в чем в чем, а в домовитости украинцев сельского разлива он никогда не сомневался, равно как и в их небрезгливости.

Навигатор шел в комплекте с автомобилем. Точнее, не шел, но продавец был столь любезен, что предлагал дополнительные опции. Правда, очень расстроился, когда узнал, что заплатят ему за них разве что лишней пулей в башку, но требовать обратно не стал. Вот и пригодилось.

Если верить пленному, который оказался настолько любезен, что даже пальцем в карту ткнул, показывая, ехать было всего ничего. Да и случилось все недавно. Если конкретно, то вчера вечером. Группа украинских солдат проводила тренировку перед отправкой навстречу русским войскам, с неумолимостью асфальтового катка давящим очаги сопротивления. Руководили несколько инструкторов, предоставленных НАТО, которое, как обычно, лезло куда не просят. Ну, их сюда не звали, вот пускай теперь и не жалуются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.